

Марк
МЕСТЕЧКИН:

ЗАЧЕМ НУЖЕН ЦИРК?

Вот какое письмо пришло в редакцию: «Я очень люблю цирк, хотя отнюдь не молодой человек. Меня интересует все, что касается этого замечательного вида искусства, меня интересует и его внутренний мир. Очень хотелось бы встретиться на страницах вашей газеты

с народным артистом РСФСР М. Местечкиным. Он ведь давно главный режиссер цирка и мог бы помочь разобраться в некоторых вопросах, которые волнуют нас. Зачем нужен цирк? Каков завтрашний день этого искусства? Очень я был бы рад такой встрече.

ПРОХОРОВ Василий Матвеевич.

Мы встретились по просьбе нашего читателя с главным режиссером ордена Ленина цирка на Цветном бульваре, профессором Марком Соломоновичем МЕСТЕЧКИНЫМ.

— Позвольте вам задать, на первый взгляд, наивный, но весьма существенный вопрос: зачем нужен цирк?

— Чтобы ответить на этот вопрос, вовсе не нужно быть работником цирка. Скорее, наоборот, эту тайну лучше знают любители и поклонники цирка. Цирк входит в жизнь человека, когда он еще ребенок. Когда он подрастет, его поведут на «Синюю птицу» во МХАТ. Но первое приобщение к искусству почти всегда происходит через цирк. И, да не обидится взрослый, это первое приобщение не только самое яркое, но и, пожалуй, самое глубокое. Когда я впервые привел моего внука на цирковое представление, оно на него произвело огромное впечатление. Особенно Юрий Никулин. И суждение внука о нем (не считая это за дедушкин восторг) было поистине философским и безупречным по формулировке: «А знаешь, он очень умный, этот дурак!». Правда, один мой любимый артист оценивает клоуна несколько иначе: «Клоун — это дурак-профессионал». Признаюсь, мне ближе «внучатая формулировка».

Человек, полюбивший цирк в детские годы, чаще всего пронесит это чувство через всю свою жизнь.

— Видимо, отношение человека к цирку для вас определенный критерий в оценке человека?

— Любовь к цирку, конечно, о многом говорит — о доброте человека, о его душевной красоте и, я бы сказал, о его личной талантливости. Среди верных друзей цирка было и есть немало замечательнейших людей. До конца жизни были преданы манежу Юрий Карлович Олеша, автор книги «50 лет в строю» генерал А. Игнатев, выдающийся хирург А. Вишневский. Большой наш друг — писатель Леонид Леонов.

Когда я спросил одного из наших постоянных гостей, имя которого широко известно по его открытиям в области физики, почему он по несколько раз смотрит одну и ту же программу, он хитро улыбулся: «Сколько бы раз ни смотрел ваш спектакль, я никогда не знаю, чем все кончится. А главное, любуюсь вашими смелыми, сильными и находчивыми людьми, любуюсь красотой человеческого тела, я каждый раз, уходя после представления, ловлю себя на мысли, что и я, несмотря на мои годы, тоже еще ничего себе...»

Цирк дарит нам радость жизни. Вспомните строчки Роберта Рождественского: «Усталые мудрецы, простите наивный век. Почаще ходите

в цирк, покруче глядите вверх».

— Судя по вашему рассказу, цирком очень интересуются мудрецы и из смежных видов искусств.

— Искусство — одно. Есть только разные формы его проявления. Цирк же, по моему, вбирает в себя все: и музыку, и изобразительное искусство, и, конечно же, театр. Сергей Александрович Мартинсон махнет рукой на любое свое недомогание и обязательно придет на премьеру. Для него, как мастера, цирк очень важен. А величайший виртуоз эпизода в театре Георгий Баронович Тусузов, несомненно, мог бы стать замечательным артистом цирка, если бы занялся этим раньше. А как бесценны для нас их советы!

Не считайте за дань всеобщему поклонению, но переоценить отношение Константина Сергеевича Станиславского к цирку невозможно.

Станиславский всегда учил актеров театра трудиться так, как артисты цирка. Потому что цирк — это самозабвенный, бесконечный труд в продолжение всей жизни. И только вдохновенный труд дает подлинные результаты.

Цирк требует абсолютной точности как во время самого сложнейшего трюка, так и в клоунской шутке. Он не выносит случайного и поверхностного отношения. Этому ведь и учил Станиславский. Вот почему, готовя клоунов в нашей студии или режиссеров в ГИТИСе, мы начинаем с основ системы Станиславского.

Правда общения, правда взаимоотношений на арене так же необходима, как и в театре. И несмотря на то, что, скажем, в основе любой клоунской интермедии, как правило, лежит аллюзия, эти интермедии хороши только тогда, когда они правдивы и в них нет наигрыша. Тогда создается выразительный образ.

— Создание образа на арене столь же важно, как и на сцене? Нет ли здесь преувеличения?

— Нет никакого преувеличения. Просто разные законы творчества. Понятно, что без техники, без мастерства в цирке не о чем и говорить. Но все же главное, на что надо обратить внимание, — это мысль, а мысль передается через образ. Вот, скажем, лучший, на мой взгляд, не только у нас, но и в мире жонглер Сергей Игнатов. Многие по технике исполнения к нему приближаются, а зрители помнят именно его. Почему? Когда на арене Сергей Игнатов, происходит танство рожденного образа. Перед нами

обаятельный молодой человек, который, шутя и играя, в полной раскованности творит чудеса. Перед нами человек, для которого эта радость и раскованность — его сущность, для которого творить чудеса — естественное, присущее ему состояние. А какой яркий художественный образ создает на арене тихая и неприметная в жизни канатоходка Марина Волжанская. Это воистину высокое творческое преобразование.

Нет, цирк — не просто зрелище. Вспомним безвременно ушедшего от нас Леонида Енгибарова. Это был клоун-философ. Он нес на арену мысль тонкую, нежную, пронзительную. Его цель была — не просто смех, а мысль и чувство. Я никогда не забуду грустную улыбку Леонида Георгиевича.

— Да, он создал незабываемый образ. Но не последним было и то, что он умел на арене все и к тому же был одним из лучших в мире мимических талантов.

— И все-таки талант клоуна — это нечто большее, чем уметь на арене все. Он еще должен уметь жить на арене искренней, умной жизнью. Этому нельзя научить. Никакие ухищрения педагогов не в силах заставить человека быть смешным, если в нем нет юмора, и быть правдивым, если он не располагает этой способностью в жизни. Клоуна нельзя сыграть. Попытки некоторых театральных актеров быть клоунами на арене не увенчались успехом. Потому что играть клоуна нельзя, им надо быть. Научить делать трюки, даже сложные, можно. Научить быть клоуном нельзя, им надо родиться.

— Верно ли считать, что цирк — это совмещение героического и смешного?

— Пожалуй, да, цирк — это чередование, а иногда и совмещение героического, романтического и комического. Это чередование органично и имеет давнюю историю — от старинной итальянской комедии, от французского балагана. А как не вспомнить в этой связи интермедии в пьесах Мольера? Они были не просто хороши, но и нужны. Они помогали созданию спектакля.

В цирке репризы клоуна цементируют программу и помогают созданию единого циркового спектакля.

— Василий Матвеевич Прохоров спрашивает в своем письме: что в вашей цирковой жизни вам больше всего запомнилось?

— Больше всего? Ну, на этот вопрос почти что невозможно ответить. И не потому, что я боюсь, кого-то не назвав, нанести обиду. Пожалуй, самое памятное в моей жизни — сам цирк. Его неповторимая, его трудная, прекрасная жизнь. Я человек не сентиментальный, но, когда я думаю о подвижничестве жизни человека цирка, у меня радостно на душе.

Был такой прекрасный дрессировщик лошадей Иван

Абрамович Лерри. Он был уже не молод. Как-то во время представления он почувствовал себя плохо и упал на арене. Его унесли. Предоставленная сама себе, на манеже оставалась лошадь, плясавшая «Русскую». На мгновение она замерла, но, подчиняясь музыке, снова продолжала танец. На задних ногах она проделала круг по манежу, глазами разыскивая своего хозяина. Но Лерри не было. Лошадь, опустившись на колени, сделала традиционный поклон и, провозглаемая громом аплодисментов, с достоинством ушла за кулисы...

А легенда цирка, мой незабвенный друг Александр Борисович Буше? О нем можно бесконечно рассказывать. Как-то произошел ужасный случай — с трапеции сорвалась гимнастка. Буше кинулся и подставил ей спину. Это была единственная возможность попытаться ее спасти. Гимнастка осталась совершенно невредимой, несколько раз выходила раскланиваться на овации публики. А Александр Борисович медленно дошел до форганга и, едва шагнув за занавес, упал. Несколько недель он пролежал в больнице.

Вы простите, я рассказываю грустные истории. Но в жизни артиста цирка — не только радость и праздник. Жизнь его непростая.

— Ну, а самую смешную историю?

— Пожалуй, она случилась с Эмилем Кио. «Кио — загадка XX века», — писали о нем в Японии. «Если вы хотите убедиться, что чудеса существуют, идите на гастроли Кио», — писали в Дании. И во всех городах мира, где шли его гастроли, таблички — «Все билеты проданы». Кио — это Кио!

Но даже с ним произошла казусная история у нас, в цирке на Цветном бульваре. На арене домик, в котором невеста откуда-то вдруг появилась множество людей. И вот участник этой сценки комик Григорий Рашковский по ходу номера перепутал вход в домик и рванул не ту дверь. Стенка домика целиком отвалилась, открыв распластавшихся вдоль стен и даже на потолке артистов. Взрыв хохота потряс цирк. Кио убежал за кулисы и стал буквально биться головой о стену. Григорий Рашковский стоял перед ним на коленях и молил: «Убей меня, Эмил, я этого стою!» А в зале продолжались хохот и... аплодисменты. Оказывается, зрители решили, что Кио специально придумал такой смешной номер.

— А в чем выражаются новые веяния в цирке?

— Это один из важнейших вопросов. Это вопрос культуры.

Западному цирку не хватает именно культуры. Скажем, клоунов, в нашем понимании, там нет. Это так называемый «механический юмор» — с обливанием, с мазанием лица, с унижением человеческого достоинства. В крупнейшем американском цирке представление идет сразу на трех аренах рядом.

И когда на центральной арене номер кончается, действие на двух других тоже прерывается. О каком же творчестве, о каком уважении артисту и зрителю может идти речь?

— Да, я имею в виду прежде всего культуру нашего искусства.

Конечно, огромное значение имеет неизмеримо возросшее техническое оснащение цирка. Сегодня мы располагаем оборудованием и аппаратурой, о которой совсем недавно и не мечтали. Несравненный по мастерству исполнения аттракцион Волжанских поражает воображение еще и изумительным использованием аппаратуры и света.

Во все-таки главным в цирке, как, впрочем, и в любом искусстве, всегда было, есть и будет талант артиста, его личное мастерство, способность воплотить мысль в образе. Совсем недавно состоялся международный конкурс в Монте-Карло. Этот своеобразный ежегодный конкурс собирает лучшие номера современного цирка. И вот группа заслуженного артиста РСФСР Леонида Костюка была удостоена здесь Гран при. Впервые главный приз получили советские артисты. И покорили эквилибристы Леонида Костюка именно личным уникальным мастерством, художественностью номера. В этом конкурсе принимали участие замечательные зарубежные мастера, которые демонстрировали сложнейшие машинные устройства. Но актеров в прекрасном смысле этого слова среди них не оказалось. Победу одержал талант.

Каждый номер в нашем цирке должен быть законченным произведением: создание высокого художественного образа в сочетании с яркими самобытными трюками. Вот это и есть высокая культура цирка. Собственно, все, что я говорил выше, имеет к этому самое прямое отношение.

И сегодня я хочу с глубокой радостью и уважением сказать о людях, которые олицетворяют все лучшее в советском цирке, — Ирине Николаевне Бугримовой, Евгении Тимофеевине Милаеве и Михаиле Николаевиче Румянцеве (Карандаше), которые на днях были удостоены звания Героя Социалистического Труда. Их высокий, поистине народный талант, их самоотверженный труд, их беззаветная любовь и преданность цирку — неиссякаемый источник вдохновения, пример к подражанию для всех рыцарей циркового искусства.

Но не будем обольщаться огромным успехом советского цирка и у нас в стране, и за рубежом. Впереди нескончаемый поиск новых жанров, совершенствование старых. Приходят новые цирковые поколения и династии. Их ждет нескончаемый цирковой рабочий день, и в этом вечном труде — секрет будущего нашего цирка.

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.